сосудов. Самый распространенный узор — вертикальный зигзаг, образованный гребенчатыми оттисками. Реже встречается такой же зигзаг, но горизонтальный или более сложные мотивы (Бесов Нос IV). Оттиски штампа часто широкие и глубокие, с четко читающимися зубцами, но встречаются и слабозаметные, узкие штампы без зубчиков типа нарезок. Из других элементов отметим подтреугольные тычки, поставленные под углом к тулову сосуда (Кладовец IX).

Каменный инвентарь, связанный с позднеэнеолитическими комплексами, крайне малочисленный. К ним относится, например, наконечник стрелы ромбической формы с хорошо выделенным черешком (Кладовец I). Такие формы в более ранние эпохи неизвестны; на данном памятнике он связан с асбестовой и пористой посудой. Еще несколько обломков подобных орудий найдены на стоянке Черная Речка V, причем один из наконечников сделан из сланца, имеет ромбовидное сечение, а остальные треугольно-черешковые, в том числе один предмет с пильчатой ретушью по краю. На этом же памятнике имеются скребки крупных размеров с прямым лезвием — также достаточно характерные для подобных комплексов Карелии. Отметим еще крупные заготовки сланцевых орудий, желобчатое тесло и узкое изделие с тщательной шлифовкой и четкими гранями на поверхности на Кладовец IX.

Памятники с асбестовой и пористой посудой на восточном побережье Онежского озера существовали уже в суббореальное время, видимо, несколько позже максимума мощной трансгрессии в начале этого периода, в первую четверть III тыс. до н.э., возможно, около 4500 л.н. Можно полагать, что основные поселения этой культуры располагались (как и ранненеолитические с ямочно-гребенчатой керамикой) на правом берегу р. Черной, в 1–2 км выше устья (Черная Речка I и XII, работы Н.В. Лобановой в 1982–88 гг.), где планиграфически выделяются материалы позднего энеолита: асбестовая и пористая керамика, хозяйственные ямы, кострища и каменные очаги. Один такой комплекс (Черная Речка XII) имеет дату 3930 +–80 (ТА-2353). Однако материалы эпохи позднего энеолита восточного побережья не являются одновременными. Среди посуды с примесью асбеста и органики также можно выделить разновременные экземпляры. Более ранняя — сравнительно толстостенная (0.8–0.9 см), круглодонная керамика с утолщенными срезами и небольшой примесью асбеста, но нередко случаях с крупной дресвой (тип Оровнаволока XVI, по А.М. Жульникову). На ней есть расчесы по внешней и внутренней поверхности (Кладовец IX). Такая керамика датируется серединой – второй половиной III тыс. до н.э. Другая группа отличается тонкостенностью, большим количеством волокон асбеста и слоистостью теста, плоскими днищами (так называемый тип Палайгуба II), является более поздней и может датироваться началом – первой половиной II тыс. до н.э. (Жульников, 1999 с. 75–79).

Энеолитические материалы восточного побережья позволяют говорить о заметном уменьшении численности населения по сравнению с предшествующими эпохами. Причины этого пока неизвестны. Возможно, это было связано с ухудшением природно-климатических условий в суббореале. Прибрежная зона стала гораздо менее привлекательной для человека, во всяком случае, площадки здесь осваивались на довольно короткое время. В то же время в отдалении от берега Онежского озера на берегу р. Черной известны поселения с асбестовой и пористой керамикой более длительного характера (работы Н.В. Лобановой в 1983–1988 гг.). Так, на Черной Речке I найдено не менее 20 отдельных сосудов и зафиксированы слабо сохранившиеся следы жилого сооружения. На Черной Речке XII также неплохо представлен позднеэнеолитический комплекс.

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА И ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ

С момента открытия в середине XIX в. Онежских петроглифов ведутся споры исследователей об их возрасте. Чаще всего петроглифы датировали в довольно широких хронологических пределах, связывая с двумя эпохами — неолитом и энеолитом. Основанием служили археологические находки из ближайших стоянок и изобразительный анализ гравировок. Первым о возможности прямой связи петроглифов с окружающими их поселениями упомянул А.Я. Брюсов (Брюсов, 1930, с. 94–112). Им было высказано предположение, что ямочно-гребенчатая кера-

мика, обнаруженная на мысах у петроглифов и на р. Черной, принадлежала одним и тем же людям, которые жили постоянно выше по течению реки, а на мысы приходили для совершения культовых обрядов на петроглифах. Значимость соседних стоянок для датировки наскальных рисунков осознавал и В.И. Равдоникас (Равдоникас, 1936, с. 29–30). В 1970–1980 гг. Ю.А. Савватеев ставил задачу выявления поселений, предшествовавших петроглифам, синхронным им и возникших позже (Савватеев, 1983, с. 104–110). Однако сама по себе близость к наскальным рисункам древних поселений еще не свидетельствует об их прямой связи. Для выявления связи поселений и наскальных рисунков необходим тщательный и всесторонний анализ всех археологических и палеогеографических данных. К настоящему времени, когда мы располагаем более глубоким уровнем знаний о наскальных изображениях, об окружающих и расположенных вдали от них поселениях, о древней природной обстановке, можно попытаться обобщить имеющуюся информацию и сделать некоторые предположения о возрасте петроглифов и той культурной среде, в которой они создавались

Согласно палеогеографическим данным, наиболее благоприятные условия для создания Онежских петроглифов сложились во второй половине – конце атлантикума (6.5–5.0 т.л.н.), поскольку еще в начале V тыс. до н.э. уровень воды в Онежском озере был выше современного на 4 м и постепенно снижался (Девятова, 1986, с. 86–87). Археологические материалы этого времени присутствуют на восточном берегу Онежского озера. Это комплексы со сперрингс и ранней ямочной керамикой, датируемые в пределах конца V – начала IV тыс. до н.э. (Лобанова, 1993, с. 39–49). Именно в это время, скорее всего, и стали появляться первые наскальные рисунки. По мнению Н.В. Лобановой керамика сперрингс в данном районе не относится к раннему типу, и вполне может быть синхронизирована с ранней ямочной посудой. Заметим, что она не встречена на площадках в непосредственной близости к наскальным рисункам (за исключением острова Большой Гурий).

В конце атлантического времени (ближе к концу IV тыс. до н.э.) произошло повышение уровня воды. Видимо, оно не было очень сильным и длительным, но многие скалы с рисунками если и не были затоплены, то, во всяком случае, были свободны только в тихую погоду. Памятников этого времени немного: Кладовец II (комплекс развитого неолита), Бесов Нос I, Усть-Водла III. Возможно, в это время функционируют в большей степени петроглифы Кочковнаволока, где они занимают заметно более высокие уровни. Стиль рисунков немного изменился в сторону большей контурности и общего схематизма.

Завершающий этап функционирования, на наш взгляд, связан с поздним неолитом (рубеж IV и III тыс. – начало III тыс. до н.э.). Керамика с ромбо- и круглоямочным узором обнаружена в небольшом количестве на некоторых поселениях мыса Кладовец Нос и Корюшкин Нос близко от петроглифов. Но стационарные поселения зафиксированы только в двух пунктах — на Кладовце IIа и Черной Речке III — в нескольких сотнях метров от последних. Расположение их на низких береговых террасах говорит о вновь изменившейся природной обстановке — иссушении климата и регрессии водоема. Наиболее удобными для гравировок стали нижние участки скал.

Таким образом, предварительно можно сделать следующие выводы. Неолитические поселения, расположенные на мысах поблизости от наскальных изображений, имели к ним непосредственное отношение. Они были весьма кратковременного характера, так как главной целью населения являлись петроглифы. Вероятно, неолитический могильник на мысу Кладовец Нос также был важной частью сакрального пространства наряду с наскальными рисунками.

Допустимо предположить, что традиция выбивок на скалах началась не с мыса Бесов Нос, хотя большинство исследователей именно так и считают (Столяр, 2001). Здесь, у оконечности мыса, в 30 м от петроглифов в скальной ложбинке, чуть прикрытой небольшим плащом песчаных отложений, обнаружены интересные материалы эпохи среднего неолита, в целом слабо представленные в данном микрорайоне. Керамика и каменный инвентарь производят впечатление хронологически единого и могут датироваться примерно концом IV тыс. до н.э. или чуть более ранним временем. Керамика первой половины IV тыс. до н.э. обнаружена на поселениях Пери

Нос I, Кладовец I и III, Черная Речка V, VII, XV. Петроглифы вблизи их выбиты на низких высотных отметках – примерно 0,2–0,7 м 1 м над урезом воды.

Можно полагать, что для выбивок впервые стали использоваться удобные скальные полотна ближе к устью реки Черной (мысы Корюшкин, Нос, Гажий и Кладовец). Заполнение скал шло постепенно. С течением времени, во второй половине, и особенно в конце IV тыс. до н.э. осваивались мысы Карецкий Нос и Бесов Нос (верхний ярус изображений). Основная часть петроглифов здесь расположена выше 1 м над водой. Примерно тогда же или немного позже могли появиться и наскальные изображения в устье р. Водлы на полуострове Кочковнаволок, где они занимают наиболее высокие отметки над уровнем воды — от 1.2 до 2 м .

Нет сомнения, что в дальнейшем тщательный детальный анализ самих сюжетно-стилистических особенностей петроглифов может дать дополнительные сведения о внутренней изобразительной стратиграфии того или иного наскального полотна.

Традицию выбивок могла прервать раннесуббореальная трансгрессия начала III тыс. до н.э. (Девятова, 1986, с. 89–90). Предполагается, что она была сравнительно короткой по продолжительности, но достаточно мощной (не менее 2 м). Гравированные скалы погрузились под воду на несколько сотен лет —примерно до середины III тыс. до н.э. Появившееся на восточном побережье малочисленное население эпохи энеолита (с асбестовой и пористой керамикой) вряд ли возобновило эту традицию. Скорее всего, она была уже утрачена, хотя многие наскальные рисунки и были доступны для обозрения.

Связь культуры ямочно-гребенчатой керамики и петроглифов подтверждают и материалы низовьев р. Выг. При раскопках под скалой с петроглифами Бесовы Следки в слое речного ила найдена ямочно-гребенчатая посуда (в том числе развалы сосудов) середины – второй половины IV тыс. до н.э. (по радиоуглеродным определениям), которую можно синхронизировать с гравировками. Верхняя хронологическая граница бытования накальных рисунков Беломорья выявляется отчетливее благодаря наличию перекрывающих многие группы гравировок культурных слоев эпохи энеолита (Залавруга I) и мощных речных отложений раннесуббореального времени (Савватеев, 1977, с. 140–141; Лобанова, 2007, с. 134–135). На самых возвышенных участках поселения Залавруга I обнаружены фрагменты ромбоямочной посуды, которые указывают на кратковременные посещения этого места человеком в эпоху позднего неолита (Тарасов, Мурашкин, 2002, с. 41–44).

ЭПОХА БРОНЗЫ — ЖЕЛЕЗА

Древности эпохи бронзы – раннего железного века на восточном берегу Онежского озера сравнительно немногочисленны, включают 7 памятников: 5 в устье р. Водлы, по одному в устье р. Черной и на маленьком островке Малый Гурий. В их коллекциях содержится сетчатая, позднекаргопольская керамика и единичные фрагменты типа лууконсаари (Усть-Водла V). Кроме того, отдельные фрагменты сетчатой керамики найдены на мысах Кладовец Нос, Бесов Нос и на острове Большой Гурий. Сетчатая посуда в целом представлена в значительных количествах, тогда как материалы железного века единичны.

Поселения этого времени в устье р. Водлы имели средние размеры (Усть-Водла I–V), площадь примерно 400–600 кв. м. Они были хорошо защищены от озерных ветров и штормов, люди могли проживать достаточно длительное время. В отличие от них поселения Черная Речка V в устье р. Черной и Остров Малый Гурий площадью 100 кв. м или даже менее являлись, вероятнее всего, сезонными. Однако на первом из них собрана довольно представительная коллекция сетчатой керамики, что говорит о периодическом посещении устья реки, вероятно, в определенные сезоны с целью рыбной ловли. Примечательно, что почти все поселения кроме одного островного четко привязаны к устьям рек и занимают самые низкие участки, вследствие чего культурные слои перемыты, а частью размыты (особенно Черная Речка V и Усть-Водла I). Относительно чистый и мощный культурный слой эпохи поздней бронзы, протянувшийся узкой полосой вдоль реки, содержится на Усть-Водле II и V. Он имеет темно-желтую с красноватым или коричневатым оттенком окраску и среднюю мощность до 0.20–0.25 м. Следы жилищ отсутствуют или они были

наземными, судя по данным, полученным на других памятниках (Косменко, 1996, с. 191). На поселениях более длительного характера (Усть-Водла II, V) расчищены кострища, каменные очаги и хозяйственные ямы.

Основные остатки материальной культуры позднебронзового века представлены керамикой и каменным инвентарем. Керамика насчитывает не менее 90 сосудов, основная часть которых (56 экз.) происходит из памятников в устье р. Водлы (табл. 1). В основном керамический материал фрагментированный, но встречались и развалы сосудов (Усть-Водла V). Выделены профилированные (обычно это слабопрофилированные) и непрофилированные горшки. Венчики их прямые или чуть скошенные внутрь, иногда скругленные, срезы в большинстве своем орнаментированы зубчатыми штампами, изредка ямками. Некоторое число сосудов содержит примесь органики, заметную визуально. Обычной же примесью являются песок и дресва, нередко крупные кварцевые зерна. Обжиг средний. Характерна штриховка наружной, а в некоторых случаях и внутренней поверхности сосудов, иногда она напоминает сетку.

Орнамент на сосудах обычно сосредоточен в верхней части. Среди элементов доминирует гребенчатый оттиск с малыми или средними зубцами. Имеются также ямки, чаще неправильные, с неровными краями и дном, а также неглубокие вдавления, наколы. Из них составлены типичные зональные композиции, сложные геометрические узоры — гребенчатая сетка, горизонтальный зигзаг из гребенчатых оттисков. Бордюрных композиций в целом немного. Некоторые сосуды (слабопрофилированный тип) имеют так называемые «жемчужины» — негативы ямок, нанесенных изнутри.

Аналоги данным сетчатым горшкам имеются в бассейне оз. Водлозера, а также в Каргополье и Белозерье. Данные материалы в целом отражают финальную фазу культуры сетчатой керамики (Косменко, 1996, с. 211), однако на поселениях Черная Речка V и Остров Малый Гурий выделяются и несколько более ранние керамические материалы — профилированные сосуды с зональными орнаментами, с многорядными ямочными узорами, с характерными «жемчужинами». В устье р. Водлы их тоже можно обнаружить, например, реконструированный сосуд из поселения Усть-Водла V (рис. 25:1), имеющий несколько неолитоидный облик.

Набор орудий эпохи бронзы на восточном побережье Онежского озера невелик по количеству и довольно беден по ассортименту. Типичный «чистый» инвентарь собран на поселениях Усть-Водла II и V. Он дает некоторое представление об особенностях каменной индустрии. Всего найдено чуть более сотни изделий. Кварц здесь практически не использовался, рубяще-долбящие изделия из сланца единичны. Единственный маленький топор обнаружен на поселении Усть-Водла V. Другие изделия из сланца представляют собой мелкие невыразительные обломки. Абразивы также единичны. Очень широко применялось кремневое сырье, которое доставляли с ближайших месторождений, вероятно, из района Вытегры (южное побережье Онежского озера), что говорит об устойчивых связях населения в эпоху поздней бронзы с соседними южными и юго-восточными территориями (Косменко, 2009, с. 146–148). Можно отметить, что орудий из кремня и их отходов чрезвычайно много. Техника обработки кремня достаточна высокая. Индекс утилизации кремня очень низкий. Ведущей категорией изделий являются скребки (известны на всех поселениях). Преобладают изготовленные из крупных отщепов. Они часто массивные, есть с боковым лезвием. Сравнительно широко представлены наконечники стрел и дротиков листовидной формы и с прямым или вогнутым основанием (рис. 7:1). Если первые встречаются раньше, начиная с неолита, то вторые наиболее типичны для комплексов позднебронзового времени. Имеется два черешковых наконечника с широким и плоским черешком. Такие же формы найдены на поселениях с сетчатой керамикой Суна I, VI и в Беломорье (Гурина, 1961; Косменко, 1993). Всего на трех исследованных раскопами поселениях обнаружено 14 наконечников стрел, дротиков и их заготовок. Ножей всего три, они изготовлены из крупных отщепов. Многочисленны также изделия из кремня с отдельными участками ретуши, выполнявшие, вероятно, функцию скоблящих инструментов (29 экз.). Данные о металлообработке на поселениях бронзового века на восточном берегу Онежского озера отсутствуют.

Сравнительный анализ с материалами других памятников эпохи бронзы позволяет отнести описанные комплексы с сетчатой посудой в основном к позднему этапу культуры — первой по-

ловине – середине I тыс. до н.э., что подтверждают две радиоуглеродные даты из поселения Усть-Водла II 2350+–90 и 2700 +–100 (см. приложение 2). Отдельные материалы из поселений в устье р. Водлы и более многочисленные по данным сравнительно-типологического анализа на Черной Речке V можно датировать концом II – рубежом II и I тыс. до н.э.

Позднекаргопольские комплексы эпохи железа, сменяющие эпоху бронзы, имеются в небольшом количестве только на памятниках в устье р. Водлы. Они говорят о кратковременных остановках людей на данном месте примерно на рубеже н. э. Впрочем, можно допустить, что памятники были размыты рекой. Позднекаргопольская керамика обнаружена на поселениях Усть-Водла I, IV и V. Выделено 7 сосудов, в основном представленных мелкими обломками (табл. 2, 6). В их орнаменте имеются протащенные штампы и двузубые оттиски. На одном фрагменте зафиксированы каннелюры.

С керамикой железного века связаны железные шлаки и обломки глиняных тиглей на поселении Усть-Водла V. Здесь же найдены два фрагмента керамики с примесью слюды (лууконсаари), который является синхронным позднекаргопольской посуде. Материалы имеют аналоги среди памятников оз. Водлозера (Косменко, 1992).

ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ (1-20)

Рис. 1. Вид на мысы Пери Нос V-VI и Бесов Нос

Рис. 2. Вид на мыс Бесов Нос с дельталета

Рис. 3. Вид с маяка на мысы Кладовец Нос, Гажий Нос и о-ва Гурьи

Рис. 4. Вид на Кладовец Нос и дюны у южного основания Бесов Носа с дельталета

Рис. 5. Вид на устье р. Черной с дельталета

Рис. 6. Вид на мыс Корюшкин Нос. На дальнем плане – мыс Гажий Нос

Рис. 7. Вид с дельталета на о-ва Гурьи

Рис. 8. Каменная кладка неясного назначения на мысе Кладовец Нос

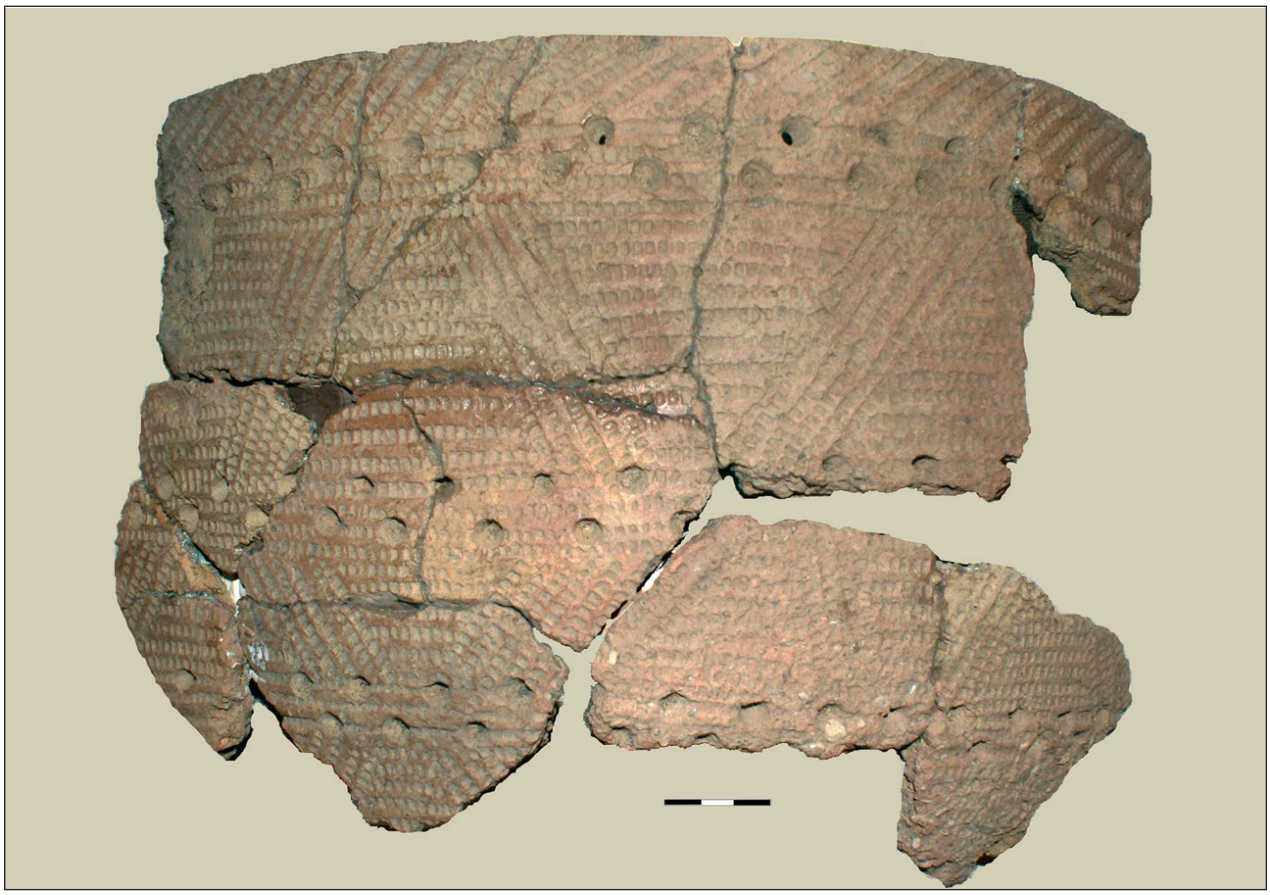

Рис. 9. Сосуд с гребенчато-ямочной орнаментацией (стоянка Кладовец IV)

Рис. 10. Керамика стоянки Усть-Водла III